

ЕЩЕ ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ

В Музей А. М. Горького поступили новые материалы. Их рассматриваешь, как иллюстрации к произведениям писателя и к его биографии. На самом деле это вовсе не иллюстрации. Это большие — 40×50 сантиметров — фотографии, снятые раньше, чем были написаны самые книги Горького. Это виды Казани, Саратова, Самары; Нижний Новгород, его улицы, здания; пароходы, караваны барж, пристани и склады на Волге, которые Горький описал потом в своих книгах; это — ночлежные дома, заводы, Всероссийская выставка 1896 года; это — трудовой народ Поволжья: бурлаки, рабочие сормовского завода, углежог, плотовщики, рыбаки; нижегородская интеллигенция — журналисты, врачи, адвокаты.

Все снимки отпечатаны с негативов фотографа М. П. Дмитриева. Максим Петрович Дмитриев — старинный знакомый Алексея Максимовича по Нижнему-Новгороду — был настоящим художником и энтузиастом своего дела. В 90-х годах этот талантливый русский человек задумал сфотографировать всю Волгу — от тверской деревушки до Астрахани. Он снимал ее через каждые четыре версты и, можно сказать, создал монографию о великой русской реке. Горький очень ценил эту его работу, особенно за то, что Дмитриев собрал в своей фототеке целую галерею волжских типов и запечатлел картины народного труда.

Дмитриев снимал и самого Горького. Это по его фотографиям мы знаем Алексея Максимовича такого, каким он был в 90-е и 900-е годы, в нижегородский период своей жизни, — с зачесанными назад длинными мягкими волосами, в черных или светлых косоворотках: липо серьезное, задумчивое, исполненное энергии и решимости.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

2

№ 82

сти. Сохранились фотографии: Горький с женой Екатериной Павловной Пешковой, Горький с К. П. Пятницким и Скитальцем-Петровым, Горький среди сотрудников редакции газеты «Нижегородский листок». Сохранились фотографии Короленко, Комиссаржевской, Шаляпина...

Много дмитриевских негативов погибло. Но несколько тысяч все-таки уцелело: они хранятся в Областном архиве г. Горького.

Дмитриев умер в прошлом году. А нынешним летом заведующая фондами Музея А. М. Горького Н. Ф. Корицкая, — только и думающая о том, где бы и как разыскать о Горьком что-нибудь новое, — решила пересмотреть негативы Дмитриева и выбрать из них то, что имеет отношение к жизни и творчеству Алексея Максимовича. И вот теперь мы внимательно и подолгу рассматриваем каждую фотографию.

Они восхищают нас, эти снимки, потому что мы видим в них тот мир, из которого вышел наш Горький. Мы видим Волгу и Нижний-Новгород времен его юности, прекрасные сами по себе и воспетые, опозитизированные Горьким в его гениальных романах, рассказах, пьесах и очерках. Мы видим, как жил, как трудился на Волге русский народ, в ту пору еще бесправный и угнетенный, — народ, которому суждено было свершить революцию, беспримерную в истории человечества.

...Кипит работа на волжских пристанях, по которым бродил юный Пешков. Над складами вытесы флаги, с баржи по мосткам грузчики вкатывают на тачках ящики, бочки с рыбой, по дощатым настилам везут через железнодорожную ветку, проложенную по территории пристаней. Штабели сложенных ящиков накрыты рогожами. Шарабан, запряженный белой в яблоках лошадей, ожидает хозяина. Ревет пароход на реке: над трубой растеоряется облачко пара. Эти пристани описаны в «Фоме Гордееве», в «Моих университетах».

Фотоэтиюд Дмитриева: по Волге плывут

плоты. Совсем, как в рассказе Горького «На плотах», — тишина, свежее весеннее утро, блестящая поверхность воды.

На другой фотографии — группа врачей, санитары. Снимок сделан в холерном — 1892 — году. Эта фотография кажется иллюстрацией к «Супругам Орловым».

А вот двор завода, заваленный железным хламом. Человек пятьдесят, в лаптях и в опорках, тяжело дыша, надрываясь, тащат огромный, опутанный канатами котел. И невольно вспоминается «Дело Артамоновых»: там точно так же волокут «красное тупое чудовище, похожее на безголового быка». И Горький одной фразой передает движение этой машины и торжество человеческого труда. «Круглая, глупая пасть котла, — пишет он, — разверзлась удивленно пред веселой силою людей».

...В солнечный весенний день из павильона причудливой формы валит толпа хорошо одетых людей: промышленники, купцы, помещики — все в черных фраках, губернские чиновники в черных вицмундирах. Раскрыты черные зонтики — жарко. Сверкает золотая парча духовенства. На первом плане — царский министр Витте, с лентой через плечо, в руке — шляпа с плюмажем. Это — открытие Всероссийской промышленной выставки.

Кажется, что толпу эту мы словно когда-то видели своими глазами. Но это только так кажется. Мы читали о ней в корреспонденциях Горького с выставки, печатавшихся в свое время в «Одесских новостях», мы читали описания выставки в «Жизни Клима Самгина», в первом томе.

Перед входом в главный павильон фотограф рассадил Совет выставки. Во втором ряду — Дмитрий Иванович Менделеев с женой, «древний литератор Дмитрий Григорович», как называл Григоровича Горький в «Жизни Клима Самгина», миллионеры Савва Морозов и Н. А. Бугров.

Об этом Бугрове у Горького есть замечательный очерк. «Миллионер, крупный торговец хлебом, — говорит о нем Горький, — владетель паровых мельниц, десятка пароходов, флотилии барж, огромных лесов. — Н. А. Бугров играл в Нижнем и губернии роль удельного князя».

В Нижнем-Новгороде Бугрову принадлежал ночлежный дом на Миллионной. Горький хорошо знал Бугрова. «...большой, грузный, в длинном сюртуке, похожем на поддевку, в ярко начищенных сапогах и в суконном картузе, он шел, — пишет Горький, — тяжелой походкой, засунув руки в карманы... На его красноватых скулах бессильно разрослась серенькая борода морщина, прямые, редкие волосы ее, не скрывая маленьких ушей, с приросшими мочками, и морщин на шее, на щеках, вытягивали тупой подбородок, смешно удлиняя его».

Бугров тоже знал Горького. Еще до личной встречи с ним Бугров прочел «Фому Гордеева» и высказал свое суждение о книге очень отчетливо.

— Это — вредный сочинитель, — сказал он про Горького, — книжка против нашего сословия написана. Таких — в Сибирьсылать, подальше, на самый край...

Пivot, оказывается, сохранилась фотография Дмитриева «Ночлежный дом Бугрова» — трехэтажное кирпичное строение с высоким крыльцом. Вдоль фасада крупными буквами надпись: «Принимают трезвых», «Табаку не курить», «Песен не петь», «Вести себя тихо».

На крыльце — сам Бугров: именно такой, каким он описан у Горького — грузный, в длинном сюртуке и в синем суконном картузе. А внизу, перед высоким крыльцом, толпа обитателей ночлежки — голодные, утомленные люди: сезонные рабочие, ремесленники, старьевщики, «босяки», странники, нищие, богомолки. И неизменный блюститель порядка — городской.

От этой фотографии не оторвешься. Лучшего комментария к горьковской пьесе «На дне» нельзя и придумать. Вот она — реальная жизнь, из которой черпал свои наблюдения великий пролетарский писатель тот материал, из которого творил он свою пьесу. И хотя Горький воссоздал не одну ночлежку, а многие — материал Дмитриева не становится от этого менее интересным.

Со двора, вымощенного булыжником, Дмитриев перенес аппарат во внутреннее помещение бугровской ночлежки. На широких двухъярусных нарах и прямо на камен-

ном полу сидят и лежат ночлежники. Лапти, онучи, заплатанные армяки и просто лохмотья... А лица — умные, строгие.

Дмитриев не стремился приукрашивать тяжелый рабочий быт, выставлять перед аппаратом тех, на ком сапоги, а «лапотников» ставить подальше. Нет, Дмитриев сочувствовал народу, видел его умным, талантливым, верил в его счастливое будущее. В меру собственного своего таланта и мастерства, — а в своем деле, как уже сказано, это был настоящий художник, — он стремился показать народ правдиво, без всяких прикрас. Это и делает фотоархив Дмитриева таким для нас драгоценным.

Когда в 1902 году Московский Художественный театр приступил к постановке «На дне», Горький обратился к Дмитриеву с просьбой сфотографировать и выслать в Москву типы нижегородских «босяков», старьевщиков, «странников» для гримов и костюмов Луки, татарина, Сатина...

Дмитриев выполнил просьбу писателя. И вот лежат перед ним «на выбор» один «Лука», и другой, и третий, и еще целая коллекция «странников». Вот странник с посохом, с рваной шапкой в руках, с корзинкой, с чайником. Он и похож и в то же время не совсем похож на Луку — Москвина. Но кажется, что и этот «Лука» вышел из горьковского спектакля МХАТ, хотя мы знаем, что Дмитриев отыскал его в самой гуще нижегородских трущоб. Думается, что папка таких фотографий лучше иных рассуждений раскрывает бесконечную правдивость и жизненность образов Горького и образов Художественного театра.

Н. Ф. Корицкая и ее помощница А. А. Воропаева раздобыли для музея драгоценнейший материал. Этот материал нужен будет и для горьковских выставок, и для каждого, пишущего о Горьком, для постановщиков его пьес, иллюстраторов его книг, для художников, декораторов, костюмеров. Но кажется нам, что фотографии эти достойны служить не только источником историко-бытовых справок. Читатель Горького должен увидеть своими глазами самые снимки — эти места, этих людей, из среды которых вышли горьковские герои.

1 2 ОКТ 1949